

Владислав
БАХРЕВСКИЙ
г. Москва

1

Им приспичило рожать час в час. В детский сад — вместе, в школу — вместе, в институт, и теперь... Поглядели друг другу в глаза и отправились в заветную палату.

В детстве их Манечками звали. Обе как фарфоровые куколочки. Выросли, не подурнели. Хрупкости в них не ubyло, а потому на высоком-то престоле намучились обе до бесчувствия и врачей заморили.

Обошлось... Разродились, не уступая друг другу, минута в минуту. Одарили мир мальчиками. Без разницы все-таки не обошлось. Одна родила русского, а другая — китайца.

Родились бы двое русских, ну и ладно, невелико событие. А вот когда русский с китайцем... Песня в самой поре была: «Русский с китайцем — братья навек».

Снимок в газете поместили. Новорожденные совсем крохи, но разобрать уже можно, который русачок, а который китайчонок.

В тот же день, когда вышла газета, в палату к

роженницам, с цветами, с подарками, пришли красивые, строгого вида горкомовские дамы, и было от них пожелание: хорошо бы китайского мальчика назвать Сталин, а русского — Мао.

Обе Манечки с перепугу поддакнули, а потом родившая русского — Мао, стало быть, — в рёв:

— Русланчика хочу. У нас с Петей так задумано.

— А мой — Васенька, — сказала мама китайчонка, закрыв пальчиками глазки. — В дедушку, а для Китая муж придумал имя Юйцай — подающий надежды.

Отец Мао был токарем высшего класса — директор завода получал вдвое меньше, никого Пётр Степанович не боялся, надеясь на свои золотые руки, отчихвостил Манечку, непечатных слов не стеснясь:

— Послала бы ты их на три буквы!

— Я откажусь, Петя, — пообещала послушная жёнушка. — Будем записывать — откажусь.

Узнавши о дуростях зятя и дочери, бабушка Мао Настасья Герасимовна за голову схватилась:

— Окобылилась — и мозги все вон! Называя как велят — квартиру отхватишь, а будешь ум-

ничать — вовек из казармы не выберешься.

Манечки были девочки казарменные.

Казарма — наследие капитализма, но без этого наследия двум третям Орехово-Зуева жить было бы нигде.

Видом казармы — все равно что крепости. Не всякий-то, между прочим, горел желанием расплеваться с местом, где отец с матерью родились, дед с бабкой. Зимой в казармах тепло, летом прохладно и уж никогда не скучно.

— Русланчика хочу, — лила слёзы на грудь матери Манечка. — Мо, Мао — телок он, что ли? Задрзнят ребята.

— Тс-с-с! — зашипела Настасья Герасимовна на дурёху дочь и показала из четырёх пальцев решётку.

Манечка, родившая круглолицего узкоглазого Сталина, посоветоваться с мужем не имела возможности: для иностранцев дальше Подмосковье — запретная зона.

Быть бы Руслану Мао, Васеньке — Сталиным, когда б не заведующая загса:

— Сталин? Мао? — смутилась бюрократка. — Патриотично! Однако... имена величайшие. Вы понимаете, какая ответственность ляжет на плечи ваших сыновей, на ваши семьи?

— Я как раз хотела посоветоваться с вами насчёт имени, — сказала Манечка, родившая китайчонка. — Дело в том, что по древнему китайскому обычаю я обязана дать сыну «молочное» имя. По-китайски «жу-мин». Это имя будут знать только в семье. Можно дать и второе имя — его позволено оглашать, но при достижении юношеского возраста оно будет заменено. Удобно ли использовать имя вождя, если оно — временное?

— Ну, а я-то вам о чём говорю! — обрадовалась начальница, снимая и опуская телефонную трубку — разговор опасный, и было страшно, что его подслушают «где надо».

Всё устроилось к лучшему. Русский мальчик был записан Русланом, а его китайский ровесник получил два желанных имени — Василий и Юйцай.

2

Мальчики были августовские — львы. На третьем месяце жизни они и их мамы удостоились особого приглашения на ок-

тябрьскую демонстрацию в колонну «Счастлирое материнство». И не просто участвовать, но открывать шествие.

Майские и октябрьские демонстрации в Орехово-Зуеве были праздниками встреч.

Колонны шли от «Холодильника», за которым начинался лес, через весь город до «девятого» магазина. Здесь зуевские люди, купив водочки, отправлялись через мост на свой берег Клязьмы, а жившие на «Новой стройке», тоже запасшись водочкой, тянулись к вокзалу. Крутовские уже не очень стройно возвращались по левой стороне Ленинской вдоль шествия.

Можно и на убранство колонн поглазеть, ещё раз на местное начальство, а главное — повидаваться чуть ли не со всеми своими знакомыми.

— Натаха! Ну, даешь! Фуфырь-муфырь!

— Знай наших!

— Петюня! На дядю Мишу погляди! Куда глаза-то раскосил? Вот они — мы.

— Митричу — ура! Двести процентов!

— Это ему жена хвост накрутила: пить бросил. Делать больше нечего — вот и вкальвает.

— Любаня, Любаня! Где гуляете?

— Да в Самомазке.

— Нас-то примете?

— Больно надо!

Весело ходили.

Впереди колонн — бархатные тяжеленные знамёна. За знамёнами начальство. Дяденьки все отменные, тут же ударники, стахановцы-гагановцы. Транспаранты, портреты вождей. Оркестр. Спортсмены. А дальше — народ. Гармошки, баяны. Пляска, частушки, песни.

Манечки шли сразу за гербом города, малышей своих в колясках везли.

О том, что у пелёночников имена не Сталин и не Мао, начальница загса доложить наверх не посмела, и, когда Манечки поравнялись с Домом Советов, с трибуны их приветствовал сам первый секретарь:

— Сталин и Мао — радуют нас! — гремели громкоговорители города. — Да здравствует советско-китайская нерушимая в веках дружба! Да здравствуют матери Народного Китая и Советского Союза, счастливейшие матери планеты Земля! Ура, товарищи!

«Ура» орехово-зуевцы умели крикнуть от души, небеса вздрагивали.

Манечки подняли своих крошек, и были эти

два кулёчка как два цветка: Руслан-Мао — золотой, а Сталин-Васенька — лазоревый.

Музыканты жажнули в литавры, лучшая ореховская певица Рая Бородастова спела в микрофон: «Русский с китайцем — братья навек». Здорово всё получилось.

3

С той поры Манечкам и впрямь проходу не было, обязательно окликнут:

— Русский с китайцем!

Никто знать не хотел Русланчика или Васеньку — Мао! Сталин!

Квартиры, между прочим, и впрямь грозилась выделить, однокомнатные. Но пока строили новый дом — шарах! — кремлёвский Сталин, отец народов, вождь всех времён, взял да и помер. Манечки ездили на похороны, но к Колонному залу не пробилась. Плакали по товарищу Сталину, а вышло, что по квартирам.

Впрочем, муж Манечки, родившей Сталина-Васеньку, и сама она защитили вскоре дипломы и уехали в Китай.

Перед дальней дорогой обе Манечки читали китайских поэтов. В переводах, конечно. От этого чтения в памяти матери Мао-Руслана осталось несколько строк:

*Увидав многоцветный простор пред собою,
Что теряется где-то во мгле,
Задаешься вопросом: кто правит судьбою
Всех живых на бескрайней Земле?
...Наши лодки неслись всем ветрам вопреки,
Но в пути задержали нас волны реки.*

Через несколько лет человек, написавший эти стихи, скажет о себе: «Когда в горах нет тигра, тогда царём становится обезьяна. Вот я и стал таким царем, но это не проявление эклектики, во мне есть и дух тигра, это — главное, есть и дух обезьяны, это — второстепенное».

К своей мудрости тот человек, любивший высказывания, и не только свои, присоединил чужую мысль, чтобы его собственная истина, устроившись на груди древности, была загадочна, как древность, и чтоб слегка горчила и была бы воистину правдой, но такой, в которую никто бы не поверил.

«В своё время, — сказал имевший в себе дух

тигра и обезьяны, — я использовал несколько фраз из письма Ли Гу к Хуан Цюну, живших в Ханьскую династию: «Твёрдое легко ломается, светлое легко пачкается; кто поёт «янчуньбай-сюэ» (трудноисполнимая мелодия), то легко может оказаться в одиночестве. Большая слава вряд ли бывает заслуженной». Последние две фразы как раз указывают на меня...»

Ещё через несколько лет человек этот пошутит на весь Китай: «Вы хотите схватить чёрного злодея? Чёрный злодей — это я».

И это опять была правда, но в «гарнизон тащили иных». Иных выставляли для оплевания на стадионах.

Весь Китай превратился в омут, в страшную крутящуюся воронку, где вместо воды — миллиард людей.

Когда великий человек, писавший стихи и клеймивший свои недостатки, а он говорил о себе и такое: «Я самый необразованный, ни в какие члены никаких комитетов я не гожусь. Я тоже не разбираюсь в промышленности, не смыслю в ней ничего... Я отнюдь не совершенный человек. Я не изучил как следует все разделы марксизма... я не понимаю многих вопросов экономического строительства...» — когда этот самообличитель, ничего толком не понимавший, вдруг открыл, «что интеллигенты знают меньше всех... Интеллигенты задирают хвост даже выше, чем Сунь Укун», то есть обезьяна-волшебник, и что «по уровню знаний выше стоят всё-таки малограмотные люди», — муж, отец, любимый — посадил Манечку и сына в вагон дальнего следования и отправил в маленький русский городок для жизни, а сам остался, чтобы быть с Родиной, и эта воронка хлопнула над ним.

Да так хлопнула, будто и не рождался. Об этом Манечка и её сын узнали очень не скоро.

4

В Китае Сталин-Васенька-Юйцай получил ещё одно имя — Хэ, что означает «лотос». Но в казарме, куда он вернулся с мамой, все ребята и все взрослые звали его Сталин, а Русланчика — Мао.

Руслан в первом классе дрался за своё имя, но всех не отколотишь.

Дружба с Китаем погасла, Мао объявил СССР врагом Поднебесной, прозвище стало

позорным, но Руслан смирился. Вот только друзей у него не было. Приезде Сталина-Васеньки он обрадовался.

Учиться им предстояло в шестом классе. Они решили: сидеть будут вместе, дразнить двоих не всякий осмелится.

Чтобы поменьше мозолить глаза казарменским ребятам, Сталин и Мао пропадали в лесу, на речке Клязьме или целый день просиживали на полатах.

Полаты в каморке Сталина превратились в Китай. Манечка и Хэ привезли с собой несколько удивительных вещей.

Резной шар из цельной слоновой кости, а в нём ещё семь шаров, один в другом. Нефритовый камень, превращенный в целый мир. Фанзы среди цветущих деревьев, пагода. На деревьях обезьяны, птицы, змеи, в траве длиннохвостые фазаны. На поляне — пруд. Возле пруда — журавли, в пруду — рыбы. Их можно было разглядеть под гладкой поверхностью окаменелой «воды».

Несколько картин на шёлке изображали горы, реки, цветы, каких-то древних китайцев. Одни в доме слушали женщину, играющую на лютне, другие — скакали на лошадях.

Были ещё ароматические палочки, палочки для еды и фарфоровая подушка. Вернее, подставка. Такие «подушки» сохраняли древним китайцам их сложные дорогие причёски. Фарфор был зеленовато-лунный, таинственно мерцающий. С двух сторон у подушки имелись отверстия.

— Я знаю рассказ про монаха-даоса, — сказал Хэ. — Этот даос разрешил одному парню поспать на своей подушке, вот такой же. И этот парень во сне прожил жизнь знатного вельможи. Женился, служил на разных должностях, был правителем провинций, его приближали и ссылали императоры. Он достиг наконец большого почёта, состарился, умер. Тогда только и закончился сон, а спал парень всего полчаса.

— Ты пробовал?

— Не заснешь. Шея болит.

— Можно, я?

— Возьми. Только никому больше не показывай. Хочешь, погадаем по «Книге перемен»? Мама её от руки переписала.

Хэ достал толстую тетрадку и вынул из доски с нардами игральные кости.

— Книга тоже, что ли, волшебная? — спросил Руслан.

— Древняя. Гадание придумал император Фу Си, а он правил с 2852 года по 2737-й до нашей эры.

— Пять тысяч лет тому назад!

— В Китае древность почитают.

— А про что будем гадать?

— Давай о судьбе наших стран. Ты о судьбе Китая, а я об СССР.

— СССР, что же, не твоя страна? — обиделся Руслан.

— Моя. Мама моя — Россия, а мой папа — Китай. В Китае теперь плохо. Моему папе грозит опасность.

Первым кидал кости Мао. Сначала три раза и ещё три раза.

— В нижней триграмме одна сильная линия внизу и две слабых. Вот чудо — и верхняя триграмма у тебя такая же! — Хэ заглянул в таблицу. — Получилась «Молния». По-китайски Чжэнь. Читай, что написано в толковании.

— «Гексаграмма «Молния», — прочитал Мао-Руслан. — Свершение. Молния приходит, и воскликнешь — ого! А пройдет — и засмеёшься: ха-ха! Молния пугает за сотни вёрст, но она не опрокинет и ложки жертвенного вина...» Что это означает? Что будет с Китаем? Что я ему нагадал?

— Подожди. Тут ещё написано. «Когда молния приходит, то она ужасна. Ты можешь сто тысяч раз потерять свои богатства, но поднимешься на девятую высоту. Не гонись! Через семь дней и так получишь».

— Через семь дней?

— Да нет же! Это иносказание... «От молнии растеряешься. Но действуй как молния — и не вызовешь беды. Молния попадает в ил. Слабая черта на пятом месте. Молния отходит и приходит. Ужасно. Хотя бы и в стотысячный раз не утратишь умения действовать. Наверху слабая черта. От молнии потеряешь самообладание и будешь пугливо озираться вокруг. Поход — к несчастью. Но молния не касается тебя, а лишь твоих соседей. Хулы не будет».

— Так хорошее ожидает Китай или плохое?

— Молния — это могучий совет, могучий огонь. Тут написано: соседям будет плохо. Китаю тоже, наверное, достанется. Сказано: поход к несчастью. Но зато потом всё станет хорошо. Китай избежит хулы, а соседи не избегут.

— Соседи — это мы. СССР.

— У Китая много соседей.

– Ладно. Теперь твоя очередь гадать. Что будет с нами.

Сталин-Хэ бросил кости – получилась гексаграмма «Цзи-ци. Уже конец». В «Книге перемен» прочитали: «В начале счастье, в конце – беспорядок. Затормозишь колёса – подмочишь хвост. Высокий предок идёт в поход на страну бесов и в три года победит её. Ничтожествам – не действовать. Промокнешь. Ибо платье в лохмотьях. Корова, убитая у восточных соседей, не сравнится с небольшой жертвой западных соседей. Хаос с головой покроет человека. Ужас».

– Давай ещё раз бросим кости! – испугался за свою страну Руслан.

– Второй раз в этот же день нельзя, – возразил Хэ. – Слушай до конца. «Двинуться в хаос – сознательно нарушить гармонию, ибо в хаосе человек находит свободу для своего творчества». Наверное, не так-то всё и плохо. Твоя страна обновится. Это как птица Феникс. Она прилетает, чтобы спалить себя. Её жалко, но из пепла рождается новая птица. Такая же прекрасная.

– Давай картины посмотрим.

– Картины все древние. Их надо созерцать.

– Давай созерцать.

Хэ развернул картину с белыми журавлями. На зеленовато-сером небе, раскрыв крылья, вытянув тонкие длинные ноги, изогнув гибкие шеи, летали восемнадцать птиц, и ещё два журавля опустились на крышу с загнутыми краями. Левый журавель только-только опустился, и поза у него была неустойчивая, крылья он ещё не успел сложить.

– Один правый стоит спокойно, – сказал Руслан.

– Китайцы не говорят – правый, левый. Китайцы определяют сторону света: южный – северный, восточный – западный.

– Хорошая картина, – похвалил Руслан, – давай другую разворачивай.

– Мы должны не глазеть, а созерцать, – возразил Хэ. – Пусть она висит целую неделю, а мы по одному часу будем смотреть на неё.

– Ого! – Руслан похлопал глазами. – Но ведь больше журавлей не станет.

– От созерцания пробуждаются чувства.

– Ну, ладно, – вздохнул Руслан. – Только давай время заметим.

Хэ пропустил замечание друга мимо ушей.

– Если тебе трудно смотреть на одно и то же, можно ещё стихи читать. Эту картину нарисовал Цао Джи. Он император из династии Сун. На престол вззошёл в 19 лет, правил двадцать пять, а потом его свергли солдаты, и он умер в тюрьме. – Хэ снял с полки небольшую красную книжечку. – Вот какие стихи писали, когда жил Цао Джи:

*На дальних склонах в густой траве
Со стадом ходит мальчик-пастух,
Такой сердитый, машет кнутом,
Хоть не боятся его коровы.
Старые ивы смотрят в ручей.
Ветер прохладный чуть шелестит.
В поле пшеница так поднялась,
Что с головою спрятаться можно.*

– Стихи, а не складные.

– Стихи бывают и без рифмы. Главное, чтоб перед глазами вставали картины и чтоб сердце сжималось.

– Ну ладно, читай дальше, – согласился Руслан.

*В поисках свежей сочной травы
Бык прижимает к земле рога,
Тёлки постарше жвачку жууют –
На этом поле голод не страшен.
Совсем не видно резвых телят,
Они ушли в густую траву
И только голос свой подают,
Когда их кличет матери голос.*

– Му-у! – сказал Руслан.

– Ты представь только. Мальчик с кнутом. Стадо у зеленого подножия гор. Ивы. Такие могучие ивы над водой ручья. Рядом поле. Пшеница высокая. Всё тихо. Даже бык шиплет траву. Он не чует врагов. Врагов близко нет. Телята забралась в высокую траву, чтобы мухи их не кусали. Коровы их окликают, телята мычат в ответ.

– Ну и что?

– Дальше так и написано.

– Что дальше?

*Старец идёт седой,
Он пастушонку, видать, отец.
Ему несёт он обед в судке.*

Он знает – мальчик проголодался.

— Я, может, тоже проголодался от таких стихов, — сказал Руслан.

Хэ повозился в углу полатей и подал другу пригоршню сухарей.

— Ты смотри.

— Смотрю.

Картина была потускневшая от времени, внизу ободранная, бесцветная. Желтовато-грязные облака поднимались слева, то бишь с востока, до крыши. Крыша в полосках, как из вельвета. Небо тоже грязноватое. На нём в одном углу красная квадратная печать, а по другому краю семь таких печатей. Журавли летят: какие вверх головами, какие вниз головами.

— Хэ! — осенило Руслана. — Пошли в библиотеку запишемся. Возьмём книги про Китай, все, какие есть!

— Хорошо, — согласился Хэ, даже не подняв головы. — Ты лежи, лежи. Созерцай. В библиотеку после обеда ходим.

— Давай-ка я на фарфоровой подушке буду созерцать, — сдался Руслан.

Подушку поставили. Руслан лёг.

— А ничего. Удобно.

— Ты и мне мешаешь, и себе, — сказал Сталин.

— Вот уж китаёза стопроцентная! — возмутился Мао.

Смотрел на журавлей со вздохами. Восемнадцать летают, два на крыше. Из всей стаи только пятеро вверх летят. Вожак, наверное, среди этой пятёрки.

Если быстро закрывать и открывать глаза, стая как живая. Кружит. А те журавли, что в небо кинулись, они же — летят! Совершенно по-настоящему!

«Я тоже журавель! — догадался Мао. — Я тот, у которого на голове алое пятнышко. Я тоже лечу...»

Кругом синее небо, внизу синее озеро. Пригляделся — лягушки по берегам, как нефритовое ожерелье. Полетел к воде, к лягушечкам. И уж вот они. Но боже мой! Лягушки обернулись охотниками. У каждого ружьё, каждое дуло будто чёрная пропасть.

Сложил крылья, пал камнем в воду и плыл у самого дна, покахватило воздуха. Вынырнул в камышах. Охотники на берегу шумят, в лодки садятся. Разбежался, крылья размахнул, взлетел, взмыл. Небо было чистым, да, на счастье, стало тесным от облаков. В облаках бы укрыться от ру-

жей, но облака все багровые, жаром пышут. А иные так и совсем — блуждающие пламена.

«Сгорю ведь!» — ахнул Мао и увидел узкую синюю щель среди пламени. Вытянулся как мог — проскочил. И что за чудо! Тишина. И в небе, и на земле. Вечер, сумерки. И только по крыльям его ещё проскакивали, потрескивали голубые искры. Сел в траву. По стёжке шла девочка. Увидела его и сказала: «Не притворяйся птицей. Ты человек».

Тут перья с него осыпались, и он очутился... на полатах.

— Хэ!

— Проснулся?

— Я во сне птицей был, журавлём. От охотников спасался, от огненных облаков.

— На фарфоровой подушке все сны вещие.

— А к чему мой?

— К обеду. Слышишь, живот у меня урчит. Обедать пора.

Они вернулись из своего Китая в свою русскую, ореховскую, казарменную жизнь.

5

На чугунном, на парадном крыльце заливался всеми своими голосами баян Нины Михайловны по прозвищу Солдатик: свадьба!

Из комнат в коридоры выходили казарменные насельники. Спрашивали:

— Кто?

— Бульдозер!

— Да ну?! За кого же?

— За Скрипача.

— Ишь ты! Он ведь как былиночка!

— Зато она — Бульдозер.

Справедливая тётка Комиссарша укорила сударок:

— Какой она вам бульдозер? Истинная Елена Прекрасная.

— В теле, — согласился Кореш, гася папиросу о каблук. — Пойду рубашку надену.

— Да уж, будь милостив, уважь! — съехидничала Комиссарша.

Кореш разгуливал по казарме без майки. Рёбра да кости: сидел в тюрьмах за мелкие пакости, да и там, видно, был на побегушках: не то что жиром, мясом не оброс. А человек добрейший, беззлобный и уж до того не хитрый, что обма-

нывать его запрещали наструго. Деловые люди запрет установили.

Скрипач с Бульдозером стояли на крыльце. О девицах любят говорить: как заря, мол, как утро красное. Бульдозер была сама свет. Порода не казарменской, не фабричной – фабрика любой румянец слижет. Казарменский люд быстрый да мелкий. А эта – царь-дева. Таки-ми небеса рухнувшие подпирать. Осанка гордая, но личико совсем детское и уж такое радостное, что даже и виноватое немного. За счастье виноватое. Платье, как положено невестам, – пена морская. Ноги стройные, туфельки... из хрусталя, что ли...

Бульдозер... Телом, верно, налитая, но на руки поглядишь, и сердце обольёт нежность: такими руками птиц в небо пускать.

Скрипач рядом с невестой выглядел, как тонкая рябина рядом с дубом. Жидким-то, конечно, нет. Ростом он был повыше своей поленицы.

– Юноша! – определила справедливая Комиссарша. – Заматереть всегда успеет. Пусть подольше молодыми побудут.

Прибежали как на пожар плясуньи Руська с Дуськой. Жарили друг перед дружкой дробь, заливались бесстыдными частушками:

*Ой, сват, сват, сват!
Не хватай меня за зад,
Хватай меня за перёд –
Меня скорее разберёт!*

– Девки, не шалите! – крикнул плясуньям Кореш.

Дуська тотчас и пошла на него, тряся грудями:

*Дура я, дура я!
Дура из картошки.
Дура я, ему дала –
Задирала ножки.*

– Да уймись ты! Уймись! – Кореш пытался цапнуть Дуську за грудь. – Тихо! Торжественный момент. От всей нашей казармы нашим дорогим Андрею Борисовичу и Любви Аввакумовне – цветы. А кто поднесёт?

– Дети пусть поднесут! Дети! На счастье! – подали голос старушки.

– А цветы поднесут не кто-нибудь, а Сталин и Мао. Идите-ка сюда.

Мальчикам передали два огромных букета роз, перед крыльцом и по крыльцу расстелили малиновую дорожку из красного уголка, и по этой дорожке Русланчик и Хэ прошествовали к жениху и невесте.

– Сталин! Мао!

– Сталин и Мао! – потряс кулачишком Кореш. – Уррра!

– Уррра! – грянула казарма.

Сталин передал алые розы невесте, чтобы она была как пламень в любви, а белые Мао положил в руки жениха – чтоб совестью был чист перед женой, перед всем белым светом.

– Горько! – крикнули молодым.

Жених с невестой поцеловались, все обрадовались, а Руська с Дуськой снова кинулись плясать и голосить:

*Открывай, маманя, двери,
Я с гуляночки иду.
Парни титьки оторвали,
Я никак их не найду.*

– Шалавы! – взрокотнул басом сивогривый великан Дюков. – Андрей Борисыч, ты бы ради Любви Аввакумовны сыграл бы, пока на столы-то бабы ставят.

– Я с радостью! – зарделся Скрипач. – Но давайте вместе. У нас же чуть не весь оркестр.

– А что?! Ребята, тащи инструмент!

Две трети музыкантов симфонического рабочего оркестра жили в казарме. Огромный Дюков – контрабас, Кореш – тарелки, невеста – флейта.

Поместились на крыльце, ахнули финал «Богатырской» симфонии, а потом нежнёнхонько «Шёпот цветов», старинный вальс. Больше не успели, позвали за столы.

Свадьба – праздник всей казармы. Вся казарма плясала и пела. Большой дом. Большая семья.

Сталин и Мао глядели на танцующих в длинном коридоре.

– Ой, кто это?! – Хэ толкнул Руслана в бок.

– Юлька. На сушилах живёт. На сушилах три комнаты.

– Это Давалка! Её все тыкали! – Петька Петун указал на Юльку пальцем.

Юлька услышала. Оставила свою подружку Дылду Рыжую, подскочила к Петуну:

– Ты меня тыкал?! – спросила она, подни-

мая белую, почти прозрачную руку с длинными, блестящими от лака ногтями. — А ну, говори, или глаза выдеру.

Петун отпрянул к стене, кинулся бежать. Лоб у Юльки был белый, чистый, лицо розовое. Брови тёмные, шёлковые, ресницы так и взмахивали, будто птицы крыльями, а потом замирали, и на тебя смотрели большие сияющие тёмно-фиолетовые глаза.

Сталин до того засмотрелся на Юльку, что она его толкнула:

— Эй!

Засмеялся, покраснел, угнул голову.

— Чего вы не танцуете?

— Не умеем, — сказал Мао.

— Велико умение. Хотите, вина принесу?

И Юлька через толпу танцующих стала пробираться к столам.

— Люська! Рыжуха! Пошли к тебе.

Вино называлось «Спотыкач».

— Мы выпьем и спотыкаться будем, — сказал Сталин-Хэ, посмеиваясь.

— Тут меньше полбутылки! — успокоила Юлька.

Люська Рыжуха поставила три чашки.

— А четвёртая? — спросил Руслан.

— Юлька не пьёт.

— И я не пью, — сказал Хэ, — и он не пьёт.

— Я, что ли, пью?! — возмутилась Рыжуха.

Рыжей-то она как раз и не была. Волосы у неё росли золотым снопом, будь Люська поменьше ростом, до земли бы достали.

Разлила «Спотыкач» по чашкам. Лизнула из своей.

— Сладкое.

— Пейте, ребята, — сказала Юлька, — и плясать пойдём.

Хэ выпил. Тогда и Руслан выпил. Люська свою порцию пила медленно, поднимаясь и поднимаясь на носки и поднимая вверх указательный палец.

— До доньшка! — показала пустую чашку.

Выбежали в коридор, а там самодеятельность. Скрипач на скрипке сыграл. Кореш сплясал русскую, Рая Бородастова, специально позванная на свадьбу, спела.

И тут взоры гостей устремились на Юльку.

— Юлька, давай ты теперь.

— Да где?

— На столе. Мы очистим.

— Трико нет.

— Лифчик-то с трусиками есть. Чай все свои.

С одного стола принялись сгрести посуду. Хэ сказал Руслану:

— Я сейчас.

Убежал.

К представлению поспел. Юлька была уже на столе. Босая, в белом, с кружевом, лифчике и, тоже с кружевом вокруг ног, трусиках. Встала, прогнулась в спине, подняла вверх руку, и её словно потянуло улететь. Тогда она взмахнула ногами, как крыльями, и зависла в шпагате. А когда пришло время вернуться из полёта — мгновенно показалось зрителям бесконечным, — коснулась стола пальцами ног совершенно беззвучно. Потом она превратила себя в цветок, достав ногою закинутае за голову руки. Склонившись к столу, перешла в стойку на двух, на одной руке. И, наконец, без всякого разбега взмыла в воздух, сложилась и сделала сальто вперёд, поклонилась и сошла со стола.

Все хлопали, искали Юльку глазами и не заметили сначала, что на столе объявился ещё один артист. Руслан ахнул: Хэ! Без рубашки, без майки. Пока народ соображал, чего это задумал Сталин-китаёза, вспыхнул огонь, большой огонь. И Хэ завернулся в пламя, как в ленту. Тотчас метнул пламя в одну сторону, в другую. Поднял столбом. Запрокинул за голову и съел огонь.

— Ну, даёт! Сталин! Сталин! — кричала в вос-торге казарма. — Давай ещё!

Хэ поднял руку. Тотчас стало тихо, и он сказал, расплываясь в улыбке:

— А больше я не умею.

Тут уж хлопали, не жалея ладоней: потешил!

6

Утром Руслан пришёл звать Хэ на Клязьму, но Хэ сидел на полатах.

— Лезь ко мне.

Прямо на стене был нарисован тёмно-рубиновый нераскрывшийся бутон розы.

— Знаешь, что это? — спросил Хэ.

— Да ты уж сам скажи.

— Это... эпоха Тан... Такая империя была в Китае. Ли Юань объединил Китай, и его род царствовал триста лет. Последнего императора Ли Чжу сверг с престола коварный Чжу Вэнь, полководец, предавший своего государя.

– И что мы теперь будем делать?
 – Мы будем поэтами. Я буду Ли Бо, а ты Ду Фу.
 – Ого! – возмутился Руслан.
 – Ты послушай! – и Хэ прочитал из книжки стихов:

*Перед постелью вижу сиянье луны.
 Кажется – это здесь иней лежит на полу.
 Голову поднял – взираю на горный я месяц;
 Голову вниз – я думаю о крае родном.*

– Ладно, – согласился Руслан. – Так-то я смогу.

– Мы будем воспевать красоту и красавиц.
 – Юльку, что ли?
 – Я – Юлию, а ты – Людмилу.
 – Дылду Рыжую?
 – Чудак! Ты видел когда-нибудь, где-нибудь такие волосы? Это же – золотой поток!
 – У Дылды и фамилия волосатая – Волостнова.
 – Волостнова – значит, волость. Что-то вроде маленького района. Были волостные писари, волостные старосты.
 – Всё-то ты знаешь!
 – Я же китаёза, – засмеялся Хэ. – А ты слышал, что самые раскрасавицы были лисы?
 – Какие лисы?
 – Ну, не совсем обыкновенные, но собаки могли их разорвать.

Руслан поглядел на друга с подозрением.

– Чего ты плетёшь?
 – Не считай человека болтуном раньше времени, – сказал Хэ и положил перед другом книгу. – Вот рассказ «Жизнеописание Жень», читай, а я буду сочинять стихи.

Рассказ был уж совсем какой-то китайский.

«Бывший наместник провинции Вэй Инь был девятым ребёнком в семье и приходился по материнской линии внуком Синьяню. Был у него и приятель, женатый на его двоюродной сестре; звали его Чжэн... В юности этот Чжэн изучал военное искусство и тоже любил вино и женщин...»

«Какая-то муть», – подумал Руслан, но почитал ещё немного. И тут началось чудесное. Чжэн ехал на осле и встретил трёх женщин, «одна из них, в белой одежде, была очень хороша собой». Её звали Жэнь. Она привела юношу в свой дом, и всю ночь был у них пир, а песни и смех Жэнь опьяняли Чжэна как вино.

Перед рассветом влюбленные расстались. Ворота квартала были ещё заперты, Чжэн вошёл в харчевню и спросил хозяина о доме Жэнь, кому он принадлежит. Услышал удивительное: дом необитаем.

– Но я видел, что там живут! – настаивал Чжэн.

– А, знаю! – ответил хозяин харчевни. – Там есть лиса, которая завлекает мужчин...

Руслан поглядел на Хэ. Тот что-то шептал.

– Получается? – спросил Руслан.

– Начало, думаю, получилось. Вот послушай: «От твоего лица исходит таинственный свет, как от луны, когда она полная. От твоего взгляда по спине пробегают мурашки, но не от страха – это вырастают крылья, чтобы на них летать, совершая чудеса ради тебя».

– Ух ты! – Руслан даже за нос себя потянул. – Я так не сумею.

– Ты сначала попробуй.

Ду Фу Руслан попробовал, но дело пошло туго.

«Волосы растут из головы, – мучился сочинитель. – На голове у Люськи столько волос, сколько... в лесу деревьев...»

Сталин Ли Бо успокаивал друга:

– Ничего... Главное, не оставлять дела – и получится.

– Юлька красивая, а Люська – Дылда, – сказал в сердцах Руслан.

– Ничего ты не понимаешь! – возразил Сталин. – Это она теперь Дылда. А потом ты её перерастёшь на две головы. Она – Златовласка, всех девочек затмит красотой.

– Вот сам и сочиняй про её волосы.

– Хорошо, не получается про любовь, сочиняй справедливые стихи. Ду Фу был самым справедливым поэтом Китая.

– А чего я тебе про Китай сочиню?

– Сочиняй про СССР, про Русь!

Спор у них закончился неожиданно: запахло пирогами.

– Чуешь? – спросил Сталин.

– Чую. Бабки пекут. Завтра Ильин день. Жди грозы.

– Пошли поглядим на пироги, – предложил Сталин.

На кухне было жарко. Бабки все раскрасневшиеся, помолодевшие. Ребятам обрадовались.

– Какие гости у нас, Сталин и Мао! А ты,

дружок, не покажешь ли нам свой огонь расчудесный?

– Покажу, – согласился Хэ.

И показал всё, что умел: завернулся в пламя, в летящего дракона, а потом съел его.

– Чудеса! – говорили бабушки. – Истинные китайские чудеса!

Принялись угощать дружков пирожками: с черникой, с земляникой.

А разговор серьёзный пошёл:

– Скажи нам, Сталин, истинную правду – упадёт на нас Китай или всё обойдётся?

– Обойдётся! – беззаботно сказал Хэ, поедая кусок пирога с ревенем.

– Ты чего веселишься-то?! – обиделись бабушки. – Войной пахнет. Уж мы-то её запах знаем.

Хэ положил надкусанный пирог на тарелку и тарелку отодвинул.

– Председатель Мао со своими властями воюет, где же ему с СССР воевать?

– Вот сдуру и затеет заваруху.

– Председатель Мао – великий мудрец! – смело возразил Сталин. – Сколько он делал американцам серьёзных предупреждений?

– То ли сто раз, то ли тыщу? – принялись вспоминать бабушки. – Может, ты и прав. Наши молчком бы от американского хулиганства утёрлись. Ведь хулиганят твои косоглазые.

– Моего отца на исправление увезли, в пустыню, – сказал Хэ.

Бабушки спохватились.

– Да разве мы о тебе говорим? Ты – наш. Уж какой ни получился, а наш. Ты ведь, чай, Сталин.

– А я Мао, – сказал Руслан, набывча голову.

– Господи! – иные из бабушек перекрестились. – Все дурости на детях аукаются. Вы меж собой-то не ссорьтесь! Нам любя ваша дружба. С Китаем когда дружили – плохо, что ли, было? Какие ботинки китайские привозили – за сто лет не сносишь.

– А кофты?

– А чай?

– Да и сами китайцы были хорошие люди. На текстильном комбинате практику проходили.

– А моего папу, когда в институте учился, в Орехово не пускали... к маме.

– Ну, это всё власти!.. – сказала Комиссарша. – Народ – за дружбу. Когда драка – власти в тылу, кровь из носа – у народа.

Промчалась как метеор с кастрюлей шей Гориховка – жена Кореша. Растолкала старух, водрузила кастрюлю на самую жаркую конфорку:

– Полна кухня бездельниц! Мелют-мелют языками, никак не перемелют.

– До чего злая баба, – сказала ей вослед тучная, медлительная пенсионерка по прозвищу Тулуп-с-пятками.

– Корешок её с утра навеселе, вот и бесится. Без неё за воротник заложил.

– Несчастливая, замученная жизнью женщина, – сказала Комиссарша.

– Кто её мучит-то? Она от злости тощая! – зашумели бабушки.

Под этот шумок Хэ и Руслан улизнули на свой этаж. А у них на втором – трам-тарарам.

Мимо ребят с воплем: «Уби-и-ивец!» – промчалась Гориховка. Кореш выскочил в коридор и кричал, надрываясь:

– Вернись! Под вторым зыркалом синяк посажу! – ребятам он подмигнул и сказал озадаченно: – В милицию побежала. Засадит, сука!

Достал из кармана пачку ментоловых сигарет, закурил, сел на корточки у стены.

– Я и сигаретки-то дешёвенькие курю. Чего разоралась? Выпил?! Кореша дельце обмывали, поднесли. А я никогда не откажусь. Хоть ночь-полночь. Разбуди меня – будешь? – Буду. Такой характер.

– Сталин, позырь! Не идут?.. Отделение, как назло, близёхонько.

И вдруг в глазах Кореша появилась мысль.

– Сталин! Или нет, лучше ты... Слушай, Мао. Тихохонько лети на кухню. Нашу кастрюлю знаешь?.. Неси, голубчик, неси скорее... Но глаза-то не мозоль. Взял и всё.

Руслан убежал исполнять просьбу, а у Кореша уже через минуту терпенье кончилось:

– Тебе надо было сбегать, Сталин. Твоего Мао только за смертью посылать.

Руслан и впрямь нёс кастрюлю как драгоценность.

– Давай! Давай! – махнул ему рукой Кореш.

– Горячая.

– Горячая! – взвился Кореш. Открыл крышку и отпрянул. – Кипяток. Моя дурища огненные хлебаёт... Делать-то что же, ребята? Сварюсь.

Сталин и Мао глядели на Кореша, не понимая, что он задумал.

– Сталин! Беги в уборную за водой... Они уж на крыльце топают, не успеем.

– У нас китайский гриб есть! – вспомнил Руслан.

– Неси!

Кореш бухнул полбанки в кастрюлю. Натянул рубаху, сел за стол, зажмурился и опрокинул щи себе на голову.

Тут в коридоре показались двое милиционеров и Горихвостка с ними.

– Граждане начальники! – тотчас раздался вопль Кореша. – Поглядите, что она с человеком сделала.

Казарма хохотала. Сообразительный Кореш не только себя спас, не совсем, правда, но главное – Горихвостку за собой утянул: обоим дали по пять суток за мелкое хулиганство.

7

В школе математичка, строгая, как фельдфебель, потому и звали Фетфелем – величала приятелей: Падшие Вожди. Литераторша Маринка вызывала обоих к доске с обязательной присказкой:

– Сталин, ждём вашего доклада.

– Мао, просветите нас.

По телевидению, в газетах Сталина даже развенчивать уже перестали, надоело. Мао тоже редко поминали, говорили – маоизм. Иногда, правда, печатали смешные изречения Великого Кормчего: «Я в своё время был учителем в начальной школе, а меня, неизвестно по какой причине, бросило в революцию», «Сейчас никто не знает, что такое пропорция, и я не знаю, но, возможно, вы умнее меня», «Рот имеет два назначения. Человеку рот дан для того, чтобы есть и говорить. А раз выросли уши, значит, надо слушать...»

Однажды Руслан остался писать заголовок в стенгазете. В раздевалке на голову Хэ накинули пальто, повалили на пол, попинали и разбежались.

Сталин и Мао стали всюду ходить вдвоём. Тогда их обоих отметили: лупили кулаками, портфелями, палками.

– Это ребята из Пятой Служащей, – узнал Руслан. – При Морозове в этой казарме конторщики жили.

Из губы Сталина текла кровь. Смотрел дикими глазами, ударил себя в грудь кулаком:

– Я – Сталин.

– Я – Мао! – Руслан тоже хлопнул себя по груди. – Надо сказать нашим, казарменским.

– Нет! – не согласился Сталин. – Мы должны их победить сами.

– Их много.

– Мы победим терпением.

– Они нас до смерти забьют.

– Не забьют, они – подлые трусы.

Ребята из Пятой Служащей и впрямь были подлые. Они били Сталина и Мао через день. Налетали, колошматили и разбежались.

Перед праздником Октябрьской революции в школе был вечер. Руслан вызвался читать стихи на концерте.

– Кто автор стихов? – спросил ведущий программы.

– Это мои стихи.

И ведущий, объявляя Руслана, прибавил:

– Стихи собственного сочинения.

Руслан вышел на сцену, нашёл глазами Хэ и, отбивая такт рукой, прочитал:

Видны под горой боевые знамёна.

С вершины разносится гром барабанов.

Кольцом нас враги окружили.

Мы стойко атаки отбили.

Позиции мы укрепили заранее,

А воля, как камни Великой стены, непреклонна.

Рубеж Хуаньян сотрясают залпов раскаты,

Пришло донесенье, что вражьи отходят солдаты.

Читал Руслан громко, и ему хлопали.

– Что это за стихи? – спросила Руслана завуч. Она вела в их классе географию.

– Это мои стихи, – засмеялся Руслан. – Я же Мао.

– Стихи Мао Дзэ-дуна? – прошептала завуч, в её голосе был страх. – Ты отдаешь себе отчёт, что ты натворил?

– Стихи напечатаны в советской книжке.

– Хорошо хоть в советской, – сказала завуч, и глаза у неё были кошачьи, в них что-то сжималось и разжималось.

На следующий день у Сталина и Мао от побоев был выходной, но только они спустились со школьного крыльца, их прижали к стенке казарменские из Служащей. Прижали и били, целя в лицо.

Из школы вышла завуч. Казарменские убежали. У Мао-Руслана шла кровь из носа, капала на белый воротничок.

— Почему вы затеваете драки? — спросила завуч. — Или, может, вам учиться наскучило? Тоскуете по тюрьме, вернее, колонии для несовершеннолетних?

— Это же нас бьют! — закричал Руслан, отирая ладонью кровь, и, растопырив пальцы, пошёл на учительницу. В глазах у мальчишки была такая обида и ярость, что учительница поняла: он, этот негодник, кажется, хочет вымазать её своей кровью.

— Чтoб это было в последний раз! — взвизгнула завуч и захлопнула за собой школьную дверь.

8

Назавтра их опять ждали. И завуч ждала, прогуливаясь в раздевалке.

— Из школы нас хочет вытурить, — сказал Руслан.

Хэ достал из портфеля молоток и сунул за ремень.

— Ты взял?

— Взял, — Руслан открыл портфель: вместо книжек у него лежал кирпич.

— Пошли.

Обнаглевшие казарменские, ученики их же школы, семиклассники, стояли на ступеньках крыльца.

— Мао! — крикнул Сталин. — Бей гадов насмерть!

И друзья кинулись сверху на своих врагов. Свора рассыпалась, бежали кто куда, кто скорей. Дорога домой была свободной. Сталин повернулся лицом к школе: дверь быстро хлопнула.

— Победа! — сказал Хэ, пряча молоток в портфель.

— А я кирпич и достать не успел.

— Победа!

— Они завтра приведут больших парней, — сказал Руслан. — Надо пионервожатой сказать...

— Лучше завучу, — усмехнулся Хэ.

Руслан знал порядки улицы: после пятого урока, когда они назавтра вышли из школы, их ждало четверо больших.

— За углом вчерашние, — показал Руслан. — Они нас будут бить, а эти смотреть.

— Ничего, пошли, — Хэ беспечно подкинул и поймал свой портфель. Засмеялся, крикнул парням: — Заждались?

— Иди сюда, китаёза! — сказали ему. — У тебя молоток, а у нас — это.

И показали цепи.

Хэ вдруг присел и топнул ногой:

— Кыш!

Здоровый парень невольно отпрянул.

— Большой, а боишься, — и Хэ беспечно пошёл с крыльца вниз.

Руслан угнул голову, шагнул следом: надеяться было не на что.

И вдруг раздался топот. Свору ребят из Пятой Служащей окружила братва из их красной, самой большой в городе, казармы.

Драки не было: толк короткий. Разошлись. К Руслану подскочил Кореш:

— Ты чего молчал, что вас бьют? Мы — короли! Каждая сопля в нашей казарме — король! Понял?

— Понял.

— Держи пять. И ты, Сталин. Вы, я погляжу, ребята подходящие.

Потом, уже дома, на полатах, Руслан спросил у Хэ:

— Ты позвал братву?

— Мама кровь застирывала... Пришлось ей всё рассказать.

— Значит, твоя мама?

— Моя пошла к твоей посоветоваться, — Хэ вдруг обнял Руслана. — Ты верный товарищ. Ты даже сегодня не отступил, хотя не знал, что нас есть кому защитить.

— А что же ты мне не сказал?

— Я тоже не знал, что наши придут... Мама сказала: будьте спокойны. Вот я и был спокоен.

9

Не успела одна война закончиться, началась другая. В не очень прекрасный день двойки посыпались: историк запутал вопросами, по биологии тему не смогли раскрыть.

Одноклассники подходили к ребятам, советовали:

— Плюньте! Из школы не выгонят — всеобуч. А если что — мы к директору пойдём, в районо.

Третий урок — физика. Что по физике, что по математике Сталин и Мао были в школе лучшими. В городской олимпиаде участвовали.

Класс затаил дыхание, когда физик, почитавшийся среди школьников человеком справедливым, тоже вызвал друзей. Расчертил доску надвое, дал и тому и другому по задачке с двумя звёздочками. Особо трудные.

Сам начал объяснение, а Хэ вдруг и говорит:
— Я уже решил.

Учитель глянул на доску, глянул на Хэ. И что-то поставил в журнале.

— Дневник давай.

Хэ принёс дневник. Мёртвая тишина разразилась над классом. И тут вперёдсмотрящий Ваня Колобов — скорейший оповеститель что кому поставлено, в восторге вскинул над головой обе руки с растопыренными пальцами.

— Что?! Что?! — не поняли в классе.

— Два «петуха», — сказал учитель. — За правильный ответ и за скорость решения.

Теперь все взоры устремились на Мао. Руслан что-то писал-писал — и стёр. Ещё раз написал, опять стёр.

— Пять минут до звонка! — сообщил ему вперёдсмотрящий.

Руслан торопливо щёлкал мелком. Зазвенел звонок. Учитель подошёл к доске.

— Мне осталось дорешать уравнение, — у Руслана горели и лицо, и уши.

— Посмотрим, — сказал учитель. — Где дневник? Почему без дневника отвечать выходите?

Руслан, понурясь, принёс дневник.

Учитель что-то поставил, подмахнул. Сказал классу:

— Урок окончен, — и ушёл.

Все кинулись к столу.

— Тоже два «петуха»! — завопил вперёдсмотрящий. — А тебе-то за что?

— А за то, что это самая трудная задача в задачнике, — сказал, появляясь в дверях, учитель. — За то, что дважды шёл верным путём, но выбрал третий, самый остроумный.

— Ура! — закричали ребята. — Ура Пал Палычу! Ура Мао!

— Да ведь у вашего товарища своё имя неплохое: святорусское. Пушкинское.

10

ПОшли годы, росли дети, в Китае, в России, в Америке... А Великий Кормчий Мао говорил речи. Чем старше он становился, тем

страшнее были его обращения к своему народу. «Мы готовимся вновь к тому, чтобы воевать в течение двадцати пяти лет».

«...Говорят: Китай миролюбив. Неправда. На самом деле Китай любит подраться. Вот я один из китайцев, люблю подраться».

Хэ и Руслан учились в девятом классе, когда Мао Дзе-дун сказал хунвейбинам: «Если драться, то драться в больших масштабах». И бесстрашно подсчитывал: «Если половина человечества будет уничтожена, то ещё останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен и во всём мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население вырастет даже больше чем наполовину... Наш коронный номер — это война, диктатура».

Сталина и его друга Мао ребята и учителя оставили в покое, но воздух страны пропах большой войной. На острове Даманском китайцы толкали русских солдат, плевали им в лица, били, а те стояли, как велено было государством: стеной, не отвечая... Но однако ж были слухи, что некий полковник, а может, генерал, измученный постоянными провокациями, шарахнул по китайцам какими-то особыми снарядами...

— Давно бы так! — радовались в казарме бабушки, на Хэ они и смотреть теперь не хотели.

Все ждали, что китайские солдаты погонят свой народ миллионами через границу, никакими пулемётами не остановишь. Китайцам себя не жалко. Пустят сто миллионов, даже без винтовок, — сомнут любую армию... Ну а если особыми снарядами стрелять — дело другое. Не пройдут...

Хэ и Руслан снова отшельничали на полатах. Хэ повесил картинку с двумя белыми журавлями среди бамбука. Шёлк был бледно-коричневый, золотистый. Всего три бамбуковых деревца с нежно-зелёными листочками. Журавли, как два белоснежных сияющих сугроба, головы увенчаны белыми снежками, а на этих снежках ещё и красные шапочки. Вдали виднелась река. Пространство неба залито золотым светом.

Хэ прочитал стихи великого Ду Фу:

*Река бирюзовая, и птица стала белее.
Гора зеленеет, цветам захотелось гореть.
Я нынче весну смотрю, а она ведь проходит!
В какой же мне день настанет пора домой?*

Руслан ответил другу другими стихами Ду Фу:

*Обман в словах о радостях весенних:
Свирепый ветер всё в безумстве рвёт.
Сдув лепестки, погнав их по течению,
Он опрокинул лодку рыбака.*

— Давай посмотрим другую картину! — предложил Руслан. — На которой китайцы на лошадях.

Картина была интересная. В правом углу с длинным чёрным знаменем ехал человек. Он загоразивался рукой от ветра, а ветер был сильный. Лошадь упрямо нагнула голову, жеребёнок едва-едва одолевал сопротивление тугого воздуха.

Центр картины занимал важный человек в расшитой орнаментом одежде. Шапка на нём была из какого-то богатого меха. Он не прятал от ветра лица. Его лошадь вели под уздцы двое слуг. Они шагали очень напряженно и не стеснялись закрывать рукавами подбородки.

За важным всадником целая группа, сбившаяся в тесную конную кучу. Их догонял ещё один всадник с собакой.

— Они все как Чингисханы, — сказал Руслан.

— Китай — страна воинственная, — согласился Хэ, в голосе у него зазвенел вызов.

— Ты бы за китайцев пошёл воевать? За председателя Мао?

— Я пойду воевать за маму и за отца, которого Мао, наверное, уже погубил, отдал на растерзание хунвейбинам.

*Там, за бледными облаками,
Гусь на юг улетает с криком,
Двадцать тысяч ли пройдено нами,
Но лишь тех назовут смельчаками,
Кто дойдёт до стены Великой!*

Мао Дзе-дун говорил это о своей армии, но дойти до Великой стены можно и с другой стороны.

— Зачем? Зачем русским земля Китая? А вот китайцы хотят занять всю Сибирь.

— Этого хочет Мао.

— Но китайцы его слушают.

— Нет, с ним согласны обманутые мальчишки и девочки, хунвейбины. Советские комсомольцы и пионеры верили Сталину, хоть он сажал в тюрьмы невинных людей. В СССР тоже была культурная революция. В 1937 году. Но в Китае теперь ещё страшнее. На стадионах людей вешают.

— Вот кто-нибудь из хунвейбинов взял бы и сказал председателю Мао: хватит, мы больше не будем мучить невинных людей только за то, что люди окончили институты, только за то, что люди хотят жить, как все в мире.

— А ты знаешь, как хотят жить люди всего этого мира? — Хэ стал совсем мрачный. Прочитал, закрыв глаза, стихи Цуй Хао:

*Тот, кто жил прежде,
уже, взгромоздившись на белую тучу, исчез...
Белые тучи уж тысячу лет
напрасно идут и идут...*

— Юлька-то прячется от тебя, — сказал Руслан. — Я Люську спрашивал: разлюбила? Говорит — не разлюбила.

Хэ промолчал.

— Давай опять журавлей смотреть! — Руслан поменял картины.

— Я знаю, что мы должны сделать, — сказал Хэ. — Ты как считаешь, мы с тобой в ответе за наши народы, за китайцев, за русских?

— Вообще-то, в ответе, — согласился Руслан.

— Мы должны образумить правителей, Хрущёва и Мао.

— Как ты их образумишь? Кто тебя к Хрущёву подпустит?

— Мы образумим правителей не словами — поступком. Подойдём к Мавзолею и сгорим.

— Сгорим? Это как? Это у тебя, что ли, фокус такой?

— Нет, мы сгорим живыми. Об этом узнает весь мир. Мао и Хрущёв устыдятся.

— Нашёл чем испугать! Мао Дзе-дуну погибших миллионов не жалко, он согласен убить ради социализма половину человечества.

— Это когда война — не страшатся убитых. А теперь мир. Миру каждый человек дорог. Мы умрём не ради смерти — ради жизни. Так и напишем в «Правду» и в «Жэньминь Жибао»: «Мы погибаем во имя дружбы двух великих народов. Мы ведь не просто два парня, китаец и русский, мы — Сталин и Мао».

11

Сгореть в огне? Руслан не мог себе этого представить. Не мог представить, как бу-

дет больно, как это возможно, что они с Хэ... не будут жить.

Руслан пошёл к Люське Златовласке, — о её детском прозвище — Дылда Рыжая — давно забыли. Люська жила с бабушкой, а у бабушки была икона Богородицы.

— Дай мне Богородицу на полчаса, — попросил Руслан.

Люська глазами удивилась, но ничего не сказала. Поставила табуретку и сняла икону с божницы.

Руслану хотелось спросить про молитвы, но постеснялся. Принёс икону в свою комнату, прислонил к стопке книг на столе, сходил к Хэ за цветами. У его матери всегда были цветы. Цветы положил перед иконой. Сложил три пальца вместе, перекрестился ради пробы. Было стыдно, но он ещё раз перекрестился, ещё раз.

Стыд прошёл, тогда он стал говорить иконе:

— Богородица, Ты — Мать Бога, а если Бог — Творец всего-всего-всего, что есть на белом свете, всё обо всех знает и всё устраивает к лучшему, пусть Он, Твой Сын, мой Господь, устроит к лучшему нашу страшную задумку! — Вспомнил: Бога зовут ещё Спасителем. — Спаситель, спаси Хэ, его по-русски Василием зовут, и меня спаси, Руслана.

Долго смотрел на Богородицу, ожидая знака, что Она услышала его, перекрестился и отнёс икону.

12

У Руслана носок правого ботинка протёрся до дыры. Просить у матери новые — душа кровью обливалась. Зачем? Мать с отцом поутру на работу, а он, позавтракав, валялся в одежде на кровать или стоял у окна, глядя на берёзку на крыше заброшенной часовенки.

А Сталин хлопотал, да так старательно, словно это всё делалось для жизни. Купил пятилитровую канистру, удобную — кубышкой, лёгкую. Бензин достал высшей марки. Пропитывал тряпки «Шипром», чтоб запах бензина заглушала. В электричке придётся ехать, в метро.

Про задуманное не говорили, но Руслан наконец не выдержал:

— Когда?

— Когда десятиклассники будут со школой

прощаться. Чтоб было много людей, чтоб э т и не могли скрыть.

— Я костюм не надену! — сказал Руслан. — Его мама из ГДР привезла.

— Оденемся в чистое, в простое, — согласился Сталин. — А ботинок... Я тебе сандалии дам. На размер больше, бумаги подложим.

Цвело как никогда. Берега Клязьмы были будто в пене от черёмухи. Луга, скверы, газоны сплошь заросли одуванчиками — весёлое живое золото.

А тут ещё футболисты в Кубке разыгрались, опять финал им замаячил. «Зенит» приезжал — обыграли всухую. В Москве «Спартак» на обе лопатки кинули. Теперь с тбилисским «Динамо» играть. У себя дома... осенью.

— И я не узнаю, как...

Руслан теперь всякую мысль недодумывал и всякое дело оставлял на половине.

Однажды вечером казарма взгомонила: семиклассники вместо выпускного вечера решили ехать в Москву, на Красной площади гулять.

— Малолетки! — с презрением сказала Юлька. — Пацанки-то в белых фартучках, с сумочками, а в сумочках — водка. Много ли им всем надо? От одного стакана одуреют.

Стояли на крыльце. Юлька ждала Сталина. Он её в кино пригласил.

— Чего ты Люську не позовешь? — спросила Юлька. — Смотри, на неё многие заглядываются.

— Люська хорошая, — согласился Мао, в горле у него что-то булькнуло. Он нарочно закашлялся, показал, что пойдёт воды выпьет, но тут вышел Сталин. Воротник поверх джемпера накрахмаленный, джемпер чёрный, чёрные брюки в стрелочку. Пожал Руслану руку, Юльку под локоток и — пошли.

«Как он может?» — убежал за сарай, на пень огромного вяза. Сидел, пока темно не стало.

...Спозаранок в казарму явилась милиция. Малолетки беды в Москве натворили. Били о Мавзолей бутылки, столичных ребят порезали, двоих тяжело. Пацанки, оказывается, в сумках не только водку везли — финки. Москва грозит электрички отменить.

«А скоро ещё мы...»

Мать на завтрак салями выставила, сгущен-

ные сливки — ничего не хотелось, ну совсем ничего! Выскочил на воздух.

На пне сидел Сталин, пахло бензином. Канистра лежала на боку.

— Теперь нельзя, — сказал Сталин. — Они всю площадь заблевали... Теперь нельзя. Ты это понимаешь? О Мавзолей бутылки били!.. О Мавзолей!

— Понимаю, — сказал Мао.

И понял. И душа его задохнулась от радости.

— А в Москву всё равно поедем, на Красную площадь, — взгляд у Сталина был твёрдый. — Мы пройдем с тобой, взявшись за руки, от Исторического музея до Лобного места, до храма Василия Блаженного! По самому центру, понимаешь, как на параде. Хрущёв и Мао о том не узнают, но Бог-то с небес увидит нас. — Потянул Мао за рукав. — Посидим... Я ведь всё время думал... Мы никому ничего не доказали бы...

— Это я виноват, что не получилось, — признался Руслан. — Я Богородице молился, чтоб мы остались живы.

— Сталин и Мао радуют нас, — шепотком пропел Хэ. — Сталин и Мао радуют нас... А Сталина давно уже нет.

Из травы прыгнул кузнечик и прямо на Руслана, на коленку.

И Руслан вдруг прочитал стихи Ли Шаньиня:

*Когда пожелал император беседовать
с мудрецом Цзя,
И он призвал из ссылки прославленного умом,*

*И долго его расспрашивал,
но только несчастье в том,
Что всё о чертях и духах, а не о народе своём.*

— Это сказано о всех правителях! О Хрущёве, о Мао, о Сталине! Великие о величии думают. О бессмертье, если не тела, так дела... А мы с тобой — народ. Наша высшая цель знаешь какая?

— Какая?

— Детей наплодить.

Они призадумались, а кузнечик всё сидел, лапкой под крылом почёсывал.

Что ещё сказать о мальчиках, вернее юношах, о Хэ и Руслане... Такое им досталось время.

Китайцы верят: на горе Линлиншань живёт каменная ласточка. В грозу она взлетает к тучам и носится среди молний — весёлая, счастливая птица, а когда гроза уходит, ласточка падает на землю камнем и ждёт новую грозу. Тот камень ярко-красный, жарче киновари.

Каменные вы мои ласточки, Сталин и Мао. Каменные вы мои ласточки!

А тбилисскому «Динамо» ореховская команда проиграла 2:1. За безобразия на Красной площади матч играли не в Орехово-Зуеве, а в Тбилиси. Ореховцы забили четыре мяча, но судья засчитал только один, ему было велено: Орехово-Зуево в Москву не пускать.

Владислав Анатольевич БАХРЕВСКИЙ —

прозаик, поэт, детский писатель, драматург, публицист, критик.

Родился в 1936 г. в Воронеже.

Окончил педагогический институт в Орехово-Зуеве.

Автор более ста книг для взрослых и детей.

Первая его книга — «Мальчик с Веселого» — была издана в 1960 г.

Наиболее известны его исторические романы: «Василий Шуйский», «Смута», «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы» и др.

Многие произведения писателя адресованы детям:

«Дядюшка Шорох и шуришавы», рассказы и повести «Дворец Золушки», «Дом с жабой», «Желуди», «Журавлик», «Кот в сапогах с секретами» и др.

Лауреат премии Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества (1968),

Всероссийской премии «Капитанская дочка» (1997),

премии им. Александра Грина (2005) и др.

Член Союза писателей России с 1967 г.

